

Первая любовь — эпизод 3 из 25

Как бы с ними познакомиться? было первою моею мыслью, как только я проснулся поутру. Я перед чаем отправился в сад, но не подходил слишком близко к забору и никого не видел. После чаю я прошелся несколько раз по улице перед дачей и издали заглядывал в окна... Мне почудилось за занавеской ее лицо, и я с испугом поскорее удалился. Однако надо же познакомиться, думал я, беспорядочно расхаживая по песчаной равнине, расстилавшейся перед Нескучным, но как? Вот в чем вопрос. Я припоминал малейшие подробности вчерашней встречи: мне почему-то особенно ясно представлялось, как это она посмеялась надо мною... Но, пока я волновался и строил различные планы, судьба уже порадела обо мне.

В мое отсутствие матушка получила от новой своей соседки письмо на серой бумаге, запечатанной бурым сургучом, какой употребляется только на почтовых повестках да на пробках дешевого вина. В этом письме, написанном безграмотным языком и неопрятным почерком, княгиня просила матушку оказать ей покровительство: матушка моя, по словам княгини, была хорошо знакома с значительными людьми, от которых зависела ее участь и участь ее детей, так как у ней были очень важные процессы. Я квам обращаюсь, писала она, как благородная дама хблагородной даме, и при том мне прейтно воспользоватца сим случаем. Кончая, она просила у матушки позволения явиться к ней. Я застал матушку в неприятном расположении духа: отца не было дома, и ей не с кем было посоветоваться. Не отвечать благородной, даме, да еще княгине, было невозможно, а как отвечать матушка недоумевала. Написать записку по-французски казалось ей неуместным, а в русской орфографии сама матушка не была сильна и знала это и не хотела компрометироваться. Она обрадовалась моему приходу и тотчас приказала мне сходить к княгине и на словах объяснить ей, что матушка, мол, моя всегда готова оказать ее сиятельству, по мере сил, услугу и просит ее пожаловать к ней часу в первом. Неожиданно быстрое исполнение моих тайных желаний меня и обрадовало и испугало; однако я не выказал овладевшего мною смущения и предварительно отправился к себе в комнату, чтобы надеть новенький галстух и сюртучок: дома я еще ходил в куртке и в отложных воротничках, хотя очень ими тяготился.

В тесной и неопрятной передней флигелька, куда я вступил с невольной дрожью во всем теле, встретил меня старый и седой слуга с темным, медного цвета, лицом, свинными угрюмыми глазками и такими глубокими морщинами на лбу и на висках, каких я в жизни не видывал. Он нес на тарелке

обглоданный хребет селедки и, притворяя ногою дверь, ведущую в другую комнату, отрывисто проговорил:

Чего вам?

Княгиня Засекина дома? спросил я.

Вонифатий! закричал из-за двери дребезжащий женский голос.

Слуга молча повернулся ко мне спиною, причем обнаружилась сильно истертая спинка его ливреи, с одинокой порыжелой гербовой пуговицей, и ушел, поставив тарелку на пол.

В квартал ходил? повторил тот же женский голос. Слуга пробормотал что-то.

А?.. Пришел кто-то?.. слышалось опять. Барчук соседний? Ну, проси.

Пожалуйте-с в гостиную, проговорил слуга, появившись снова передо мною и поднимая тарелку с полу.

Я оправился и вошел в гостиную.

Я очутился в небольшой и не совсем опрятной комнате с бедной, словно наскоро расставленной мебелью. У окна, на кресле с отломанной ручкой, сидела женщина лет пятидесяти, простоволосая и некрасивая, в зеленом старом платье и с пестрой гарусной косынкой вокруг шеи. Ее небольшие черные глазки так и впились в меня.

Я подошел к ней и раскланялся.

Я имею честь говорить с княгиней Засекиной?

Я княгиня Засекина; а вы сын господина В.?

Точно так-с. Я пришел к вам с поручением от матушки.

Садитесь, пожалуйста. Вонифатий! где мои ключи, не видал?

Я сообщил г-же Засекиной ответ моей матушки на ее записку. Она выслушала меня, постукивая толстыми красными пальцами по оконнице, а когда я кончил, еще раз уставилась на меня.

Очень хорошо; непременно буду, промолвила она наконец. А как вы еще молоды! Сколько вам лет, позвольте спросить?

Шестнадцать лет, отвечал я с невольной запинкой.

Княгиня достала из кармана какие-то исписанные, засаленные бумаги, поднесла их к самому носу и принялась перебирать их.

Годы хорошие, произнесла она внезапно, поворачиваясь и ерзая на стуле. А вы, пожалуйста, будьте без церемонии. У меня просто.

Слишком просто, подумал я, с невольной гадливостью окидывая взором всю ее неблагообразную фигуру.

В это мгновенье другая дверь гостиной быстро распахнулась, и на пороге появилась девушка, которую я видел накануне в саду. Она подняла руку, и на лице ее мелькнула усмешка.

А вот и дочь моя, промолвила княгиня, указав на нее локтем. Зиночка, сын нашего соседа, господина В. Как вас зовут, позвольте узнать?

Владимиром, отвечал я, вставая и пришепетывая от волнения.

А по батюшке?

Петровичем.

Да! У меня был полицеймейстер знакомый, тоже Владимиром Петровичем звали. Вонифатий! не ищи ключей, ключи у меня в кармане.

Молодая девушка продолжала глядеть на меня с прежней усмешкой, слегка щурясь и склонив голову немного набок.

Я уже видела мсьё Вольдемара, начала она. (Серебристый звук ее голоса пробежал по мне каким-то сладким холодком.) Вы мне позволите так называть вас?

Помилуйте-с, пролепетал я.

Где это? спросила княгиня.